

Мононорматика

УДК 340.151

Молчанов Борис Алексеевич

д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов (Москва); e-mail: bamvi@bk.ru;

Королькова Татьяна Валерьевна

старший преподаватель кафедры теории государства и права Владимирского государственного университета (Владимир); e-mail: bamvi@bk.ru;

Стародубцев Григорий Серафимович

д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры международного права Российского университета дружбы народов (Москва); e-mail: dexter77@list.ru

Статья получена: 16.01.2015. Рассмотрена: 20.01.2015. Одобрена: 26.01.2015. Опубликовано онлайн: 01.03.2015. © РИОР

Аннотация. В статье анализируются мононормы первобытного общества как слитность (синкретность) социальных норм, не расчлененные нормы морали и обычаи, как естественный инвариант, как правила поведения в доклассовом обществе, которые не могут быть отнесены ни к категории правовых, ни к категории моральных норм, правовой, этической, ритуальной и религиозной. Эти мононормы отличаются от права с его классовой, государственной организационной формой. Отличаются они и от морали, поскольку их исполнение обеспечивается не только общественным порицанием, но и наказанием на основе твердо фиксированных санкций.

Ключевые слова: этнология, правовые, моральные и обычно-правовые нормы, нормативная система первобытного общества, синкретность, традиция, мононорматика.

Проблема мононорматики на сегодняшний день является ключевой в раскрытии факта существования права в предгосударственный период. Состояние нормативной системы общества определяется характером правовых, моральных и других социальных норм, образующих эту систему. Проводя анализ генезиса и трансформации нормативной системы социума в свете его поступательного движения от одной формы обще-

MONONORMS

Boris Molchanov

Doctor of Law, Professor, Professor of Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics, Russian University of Peoples' Friendship (Moscow); e-mail: bamvi@bk.ru;

Tatyana Korolkova

Senior lecturer of Department of Theory of State and Law, Vladimir State University (Vladimir); e-mail: bamvi@bk.ru;

Gregory Starodubtsev

Doctor of Law, Professor, Professor of Department of International Law, Russian University of Peoples' Friendship (Moscow); e-mail: dexter77@list.ru

Manuscript received: 16.01.2015. Revised: 20.01.2015. Accepted: 26.01.2015. Published online: 01.03.2015. © RIOR

Abstract. The article analyzes monodromy primitive society as a fusion (syncretist) social norms, not dissected the rules of morality and customs, as a natural invariant, as the rules of conduct in pre-class society that can not be attributed neither legal nor moral norms, legal, ethical, ritual and religious. These monodromy differ from the rights of his class, state organizational form. They differ from morality and because their execution is ensured not only by social censure, and punishment on the basis of the determined fixed sanctions.

Keywords: ethnology, legal, moral and customary norms, normative system of primitive society, syncretist, tradition, mononorms.

ственно-политической организации к другой, можно сделать вывод о регулировании поведения людей в условиях первобытности. Интересны в нашем случае исследования С.И. Нагих в статье «Нормативная система догосударственного общества и переход к государству» [1] он утверждает, что первобытное право не было разделено по духовному, нравственному, религиозному, обрядовому и нормативному критерию. Регулирование поведения людей в любом обществе может основываться либо посредством следования определенным моделям, либо посредством соблюдения социальных норм. Модельное регулирование поведения людей присутствует в любом обществе, но по мере его развития уступает главенствующее место регулированию посредством социальных норм.

До недавнего времени бытовало однобокое мнение, согласно которому нормы первобытного общества рассматривались не иначе как нормы морали. И по сей день у этой гипотезы есть свои приверженцы. Несмотря на это в российской литературе все большую популярность получает иной взгляд на характер нормативной системы первобытного общества. Право и мораль являются основными формами нормативного сознания, суть которых состоит в социальной регуляции, выраженной в общеобязательных нормах поведения.

Особенностью функционирования нормативной системы первобытных и традиционных обществ является наличие факта нерасчлененности общественного сознания первобытного человека на идеологию и общественную психологию. Это находит свое выражение в синкретности многих представлений и понятий первобытного человека, которое не имеет соответствий в абстрактном понятийном аппарате современного общества. Такая синкретность не чужда как первобытному, так и традиционному обществу. Известный этнолог А.И. Першиц предложил для характеристики социальных норм, функционирующих в первобытном обществе, использовать новый термин — «моноорма». Остановимся более подробно на теории «родителя» мононорматики.

Основные тезисы теории мононорматики отечественный этнолог А.И. Першиц изложил в статье «К уточнению понятия “обычное право”».

Еще в 1970-х годах XX в. он выступил с гипотезой первобытной мононорматики, т.е. имевшего по началу место индискретного сплетения, переплетения в первобытной общине всех поведенческих норм — правовых, этических, этикетных. Политической власти еще нет — стало быть, мононорматику санкционирует сама община [2]. Его идея была поддержана правоведами теоретиками [3]. А.И. Першиц приводит хрестоматийный пример синкретности протоправа: члены одной из папуасских общин, возмущенные жадностью одного из своих богачей, велели его ближайшим родственникам предать его смерти [4]. Данный инцидент показывает, что на регуляцию поведения членов общества влияют стихийные, субъективные и ментальные условия.

Последователем А.И. Першица стал Ю.И. Семенов. Он как бы расплел толстый многоцветный жгут мононорматики и взял за основу два феномена — мораль и обычное право. Согласно его учению обычное право явилось оплотом раннепервобытной общины, получившей развитие в эпоху классового образования, предполагающей предполитическую или политическую власть.

Основным постулатом его теории было то, что обычное право возникает не внутри общины, а при контактах общин [5]. Представляется, что его точка зрения не имеет под собой научной основы и бездоказательна в силу того, что у территориально изолированных этнических групп (северные коренные народы, например) существует система социального регулирования на основе обычного права, поддерживаемого властью старейшин, шаманов и самого общества в целом.

Наиболее детально изучен период классового образования в плане этнологии, истории и права. Возникает вопрос, какой статус приобрела моноорма — ее правовая судьба. Норма еще не скинула с себя вуаль религиозности и ритуализма, нравственных принципов. В отличие от современных норм, они еще индивидуально-конкретны: все их элементы до крайности детализированы, что связано с уровнем развития абстрактного мышления.

Интересен в этой связи ритуал ингушей, который действовал в обычном праве вплоть

до XX в.: «От подозреваемого в воровстве требуется присяга; обвиняемый (подозреваемый) с корзиной на спине, наполненной разным хламом (каковы веник, лопатки и прочее), и с собакой, привязанной к шее, идет к могиле своего родственника со своими родственниками вместе с подозревающим три раза обходит могилу; при этом потерпевший говорит: пусть эта собака сгрызет покойника, если ты (или твой родственник) украл у меня то-то и то-то, и при этом они убивают собаку выстрелом из пистолета; после такой церемонии подозрение снимается» [6].

Синкретность и нормативность норм первобытного общества характеризует их внутреннюю сторону, внешне синкретная норма проявляется в форме обычая, традиции. Также можно говорить, и о том, что в первобытном обществе с некоторого времени его существования могут функционировать и специфические обычаи первобытного общества, которые условно можно считать юридическими обычаями. Но постоянно следует учитывать то обстоятельство, что и эти обычаи в классическом первобытном обществе носят синкретный характер и тесно переплетены с религией, этикой, ритуалом, моралью и т.д., а также с модельными поведенческими установками. Правомерность выделения юридических (юридизированных) обычаев уже на ранних стадиях развития первобытного общества подтверждается результатами исследования нормативной системы достаточно примитивных обществ собирателей и охотников со слаборазвитой потестарной структурой.

Специфический юридический обычай первобытного общества характеризуется более высокой степенью императивности по сравнению с обычаями, связанными с выполнением бытовых, трудовых операций, которые не носили общеобязательного характера. А от моральных обычаев становление потестарной структуры первобытного общества находит свое отражение в сознании людей. Дифференциация общественного сознания сопровождается формированием политического и правового сознания. Право и правовая норма неразрывно связана с последним, поэтому одновременно с трансформацией правосознания

первобытного человека модифицируются и мононормы, расщепляясь на нормы морали и нормы права (см. подробнее С.И. Нагих «Нормативная система догосударственного общества и переход к государству» [1]).

Исследователи народов Сибири подмечают, что мононормы в этих обществах есть свидетельство тому, что юридизированные обычаи отличает большая конкретизация по отношению как к отдельным лицам, так и к группам лиц первобытного общества.

Процесс сложившейся саморегуляции внутри общины. Принятые нормы поведения соблюдались настолько устойчиво и прочно, что фактически случаи их нарушения были чрезвычайно редки. Но эта устойчивость, особенно у промысловых народов, «поддерживалась отнюдь не свирепостью возможного наказания, а силой мононормативности, в которой обычай и мораль ощущались еще как нечто единое, как естественный инвариант поведения, подлежащего непременно следованию принятым обычаям» [7, с. 60].

Возникновение индивидуальной парной семьи сопровождается появлением терминов родства: отец и мать, сын и дочь, братья и сестры и др. Д.Ж. Валеев пишет, что с появлением парной семьи, например, связано возникновение дифференцированных по определенному кругу лиц норм поведения. Именно здесь происходит постепенное разделение мононорм — норм первобытного общества на нормы морали и нормы обычая. Тем не менее было бы глубоким заблуждением считать, что это разделение есть противопоставление моральных и обычных норм. Потому как мораль — это такая система регуляции общественных отношений, которая в большей или меньшей степени пронизывает любые социальные нормы. Отсюда можно сделать вывод, что моральный смысл поступка безграничен.

Остановившись на дифференциации норм первобытного общества на нормы морали и обычные нормы, хотелось бы обратить внимание на две противоположные точки зрения, встретившиеся в литературе. Первая из них принадлежит Гансу Кельзену, представителю нормативистского направления в праве. Он разделяет

Аристотелевскую характеристику обычая как волеустановленного и утверждает, что «обычай может порождать нормы морали и нормы права».

Философ Д.Ж. Валеев считает, что возникновение моральных обычаев «детерминировалось необходимостью конкретизации норм морали по отношению к отдельным лицам или группе лиц в связи с изменениями в производственной сфере первобытного общества. Это привело к неизбежной индивидуализации и обособлению индивидов друг от друга и от объединяющих их коллективов». Их объединяет только одно, что нормы обычаев предшествуют в своем генезисе обычному праву. А если продолжить словами Ф. Гегеля, то обычное право предшествует в своем развитии праву государства. К тому же, с точки зрения Гегеля, право проходит три стадии: абстрактную, моральную и нравственную. По его схеме, обычай предшествует моральности. Безусловно, есть сторонники как той, так и другой точки зрения.

Мы же склонны полагать, что все-таки эти два нормативных регулятора возникают одновременно. Так называемые «мононормы» при усложнении общественных отношений дифференцировались в зависимости от соответствующих сфер. Каждый вид отношений стал регулироваться особенными, взаимно дополняемыми нормативными системами: обычай, мораль, религия, и др.

Обычаи подготавливают появление права, позже часть из них вовлекается в его орбиту в форме обычного права, другие остаются за пределами правовой сферы и самостоятельно регулируют определенный круг общественных отношений. На этом уровне общество уже оценивает поступок с точки зрения соответствия его общепризнанным фактическим отношениям.

Итак, обычай возникает благодаря действию двух сил: во-первых, индивидуального сознания насущных интересов человеком, под влиянием которого определяется тот или другой способ его действий. Это, со слов Сергеевича, самоопределение «автономии». В его основе, продолжает русский профессор, — личный интерес, личное усмотрение о том, что должно

быть при данных условиях, а не отвлеченная идея правды или справедливости. Из самоопределения возникает известная практика.

Во-вторых, если действия личной воли разных лиц будут одинаковы в одинаковых случаях, и их накопится значительная масса, возникает вторая сила, «побуждающая всех знающих о существовании известного образа действия, известной практики — действовать так же».

Таким образом, можно определить обычай как правило поведения, сложившееся исторически на протяжении жизни нескольких поколений, ставшее всеобщим в результате многократного повторения. Довольно удачно Б.Я. Токарев подмечает их возникновение на основе «привычных форм взаимных связей людей в результате осознания, оценки их как общественно значимых... и охраняемых принудительной силой общественного мнения от возможного их нарушения» [8].

Профессор А.Б. Венгеров говорит о системе социальной регуляции, в том числе и об обычае, с той позиции, что «правила поведения в доклассовом обществе не могут быть отнесены ни к категории правовых, ни к категории моральных норм. Они ...имеют характер «мононорм», то есть единых еще не расчлененных специфических норм первобытного общества. Эти мононормы отличаются от права, которое как иное состояние регулятивной системы появляется лишь на следующем этапе развития общества в его классовой, государственной организационной форме. Отличаются они и от морали. В частности, их исполнение обеспечивается не только общественным порицанием, что характерно для морали, но и наказанием на основе твердо фиксированных санкций».

Мононормы находятся в органичной связи с экономикой и идеологией присваивающего общества, в котором человек считается еще частью природы. Мононормы присваивающих обществ под воздействием социально-экономических и политических условий классового общества перерастают в нормы права и морали производящих обществ, как путем «расщепления» на эти нормы, так и путем появления новых» [9].

Концепция первобытной монономы, нормативной синкретности представляется вполне обоснованной и находит признание в отечественной теории права [10, с. 57–58]. Причем, по справедливому мнению профессора Г.В. Мальцева, о мононорматике следует говорить не только в прошедшем времени, ибо «бывало и часто бывает, что обычай в качестве формы заключает в себе социальную норму или комплекс норм, которые являются одновременно моральными и правовыми, моральными и религиозными, правовыми и политическими и тому подобными. В таких случаях обычай несет в себе отпечаток нормативного синкретизма...» [11, с. 9].

Вместе с тем нельзя не указать и на иные взгляды на соционормативную культуру традиционных обществ. Так, Т.В. Калинина склонна считать монономы научным вымыслом, достаточно бесполезным с теоретической точки зрения, полагая, что «эту идею не критически поддержали некоторые ученые-юристы, вероятно, посчитав, что историки, дескать, лучше знают, что было в первобытном обществе» [12, с. 214].

Однако совсем не исключено, что историки и антропологи действительно это знают лучше иных исследователей социальных норм, ибо основывают свои мнения на весьма обширном материале, не только историческом, но и современном этнографическом. Иные же споры по этому поводу нередко носят характер состязания в элоквенции при дефиците эмпирической базы. Несомненно, прав профессор Г.В. Мальцев, считающий, что в обществе, в котором функционирует обычное право, сложно утверждать, что его члены относятся к обычному праву как к праву, отличая его от религии и морали, чувствуя различие между особыми типами социальной регуляции: «возможности решения этого вопроса в нашем веке кажутся почти утраченными» [13].

Несомненно, однако, что соционормативной культуре древних обществ присуща определенная динамика, позволившая на известных исторических этапах институционализироваться обычаю в качестве правовой и, вполне вероятно, догосударственной формы. Это происхо-

дит с разделением труда, индивидуализацией собственности и меновых отношений, рождающих эскалацию противопоставления индивидуальных и общественных интересов, что, в свою очередь, влечёт необходимость в правовой нормативизации и потребность в механизмах урегулирования конфликтов. В подобных развивающихся обществах несовпадение обычных правовых норм с нормами морали и религии уже вполне ощутимо, что А.И. Першиц терминологически определяет как «расслоение мононом» [14, с. 221–240].

В принципиальном плане следует отметить, что вопрос о расслоении мононом и институционализации правовых обычаев может быть рассмотрен лишь дифференцированно: с позиций различных путей и традиций эволюции права и юрисдикции, ибо право рождалось и эволюционировало в неразрывной связи с эволюцией механизмов юрисдикции [15]. Потребность в последних, естественно, нарастала с усложнением общества и повышением в нем уровня конфликтности. Эти позиции являются стартовыми для современного эволюционизма, рассматривающего нравственный закон и право как результат постепенного исторического развития.

Эволюционисты исходят из того, что традиционные общества менее сложны в социальном отношении и менее подвержены напряжённости. Отношения в традиционных обществах носят коллективный и многообразный характер и, отличаясь единством нормативного регулирования (мононорматикой), осуществляются на разных уровнях одновременно. Согласно недавно опубликованным данным, на этапе производящей экономики различаются шесть таких уровней: биолого-психологический, брачно-семейный, корпоративно-групповой, мифолого-религиозный, правовой и моральный [10].

Напротив, в современных обществах социальные отношения более партикуляризированы и имеют более индивидуализированный характер на каждом уровне. То есть гораздо чаще члены общества бывают связаны между собой и обществом в какой то одной сфере отношений. Дальнейший рост социальной слож-

ности влечёт тенденцию к нормативизации в праве, что позволяет формулировать вывод о постоянной специализации в праве и в способах разрешения конфликтов.

Абсолютно новый подход к определению обычая был выдвинут А.И. Першицем. Он ввел понятие монономы, принятое в дальнейшем многими юристами [16]. Проблема, выдвинутая А.И. Першицем, заключается в исследовании процессов становления права и морали в результате дифференциации первобытной мононорматики. Право возникает в процессе расщепления мононорматики, при этом сам процесс возникновения права нельзя рассматривать упрощенно по схеме *классы — государство — право*. Как указывает сам исследователь, «все эти процессы шли параллельно, диалектически взаимодействуя и стимулируя друг друга» [16].

Однако данное заключение следует несколько уточнить, поскольку здесь предпринята попытка доказать возможность появления государства до возникновения классового расслоения и частной собственности [17; 18]. Из этого следует, что право как нормативный регулятор в ранних государственных обществах могло сложиться раньше, чем произошла социальная стратификация. В данной ситуации возникает вопрос о мерах исполнения права, и какие отношения могли регулироваться этим правом. Ответ на этот вопрос вызывает затруднения, так как такое образование невозможно реконструировать в современных условиях.

Концепция не получила всеобщего признания, однако в теории права с понятием монономы связана иная концепция, согласно которой в условиях первобытнообщинной организации человечества обычай были представлены монономами. По мнению авторов концепции мононорматики, применительно к первобытным обществам является неправомерным использование понятия обычного права, а допустимо лишь использование понятия монономы. «Иногда обычным правом называют обычай эпохи классового образования или еще шире социальные нормы в первобытном обще-

стве вообще. Но это не точно, так как право в строгом смысле этого слова не могло быть там, где еще не было государства» [19].

Под монономой они понимают слитность (синкретность) социальных норм, т.е. нерасчлененное единство религиозных, моральных и других подобных им норм. «Именно естественно-природный характер мононом исключает необходимость в позитивном, писаном праве — во внешне формализованном институционализированном нормативном регуляторе, выраженном в специфической системе регулятивных средств и механизмов и связанном с принуждением особого рода, которое обеспечивается специальным аппаратом». Такая система социального регулирования настроена на сохранение оптимального функционирования «целого» (рода, племени).

Напрашивается вывод, что концепция мононорматики исключает существование права в первобытном обществе, привязывая это к тому, что право не может существовать без государства. Право — это производное и образованное от государства явление, и, стало быть, не от него зависит наличие таких качеств и свойств права как нормативность, общеобязательность, всеобщность и т.д., без которых право не существует. Это, как следует предположить, неверный подход, поскольку названные качества и свойства права есть органически присущие только праву, так как они составляют его специфику как явления, исторически и объективно складывающейся меры, измеряющей поведение людей.

Юридическая организация жизни человека существует с того момента, когда он появился на земле, так как обществ без права быть не может. Даже первобытные формы совместной жизни людей предполагают наличие института утверждения личности каждого члена общины и признание его другими, т.е. наличие «трансубъектной» связи, развитие которой приводит к возникновению институтов, применяемых к большому числу личностей и к новым формам деятельности.

Разработанные юристами-антропологами (Ж. Карбонье, Н. Рулан, Б. Малиновский и др.) критерии «юстициабельности», т.е. наличия

юридичности в правилах поведения, доказывают, что своим происхождением право не обязано ни государству, ни морали, ни религии.

Современная историко-правовая наука не потеряла интереса к проблеме рождения правовых форм на Руси в эпоху Средневековья. Имея в наличии уже более обширную базу исторических данных, а также новые подходы, определяющие спектр исследований, современность позволяет более глубоко вникнуть в процесс не только формирования этапов русского средневекового права, но и в целом в процесс правогенеза на Руси. Именно поэтому, подходя к проблеме формирования права, особенно в эпоху раннего Средневековья, следует обратить внимание на ряд методологических предпосылок, задающих последнее время тон исследованиям в этой области.

Еще в конце 1970-х – начале 1980-х гг. отечественной этнологией было предложено понятие первобытной монономы [16], отражающей процесс генезиса правовых форм в эпоху раннего средневековья. Под монономой предполагался синкретизм социальных норм, т.е. нерасчленённое единство религиозных, моральных, правовых и других видов норм. Сама идея неразделённости права, нравственности и религии на ранних этапах становления общества обозначилась ещё у дореволюционных отечественных правоведов Н.М. Коркунова и Г.Ф. Шершеневича [20].

На наш взгляд, более корректно использовать устоявшийся термин «обычное право», на что обращает внимание профессор О.Э. Лейст. Под обычным правом понимается самостоятельный исторический тип права наряду с такими выделяемыми типами права, как городское, каноническое, или сословное, формальное, социальное [21]. Данный подход к трактовке права на этапе его становления во многом схож и с идеями некоторых западных мыслителей, которые считают, что наличие общества, даже не урегулированного государственным порядком, служит предпосылкой для рождения права. Правда, не все юристы единодушно разделяют идеи мононорматики.

Так, например, не разделяет идею такого синкретизма известный исследователь права профессор Г.В. Мальцев, который полагает, что мононор-

матика «мало, что добавляет к гипотезе нормативного синкретизма и порождает массу вопросов» [11, с. 19], а главное, «историческое первородство морали по сравнению с правом, не говоря уже о религии, остается более чем сомнительным». Но все же, как представляется, концепция монономы и научные данные в смежных отраслях юридических наук, убедительно подтверждающие гипотезу о синкретизме разнообразных норм в ранние эпохи правообразования, представляют большой интерес для юридической науки, особенно при анализе процессов формирования права.

Влияние монономы на правовую систему Руси раскрывает в своей научной работе В.В. Момотов [22]. Примером влияния силы монономы на правовую систему Руси служит существовавший во времена средневековья религиозный дуализм и постепенное поглощение одной религии другою. Являясь частью культуры, право в своем развитии повторяет стадии культурных преобразований.

И поэтому представляется весьма продуктивным с научной точки зрения сопоставить в рамках исторического развития эволюцию языка и права как частей единого культурного целого, которые плотно связаны незримыми, но очень прочными духовными узами. Такой предпосылкой в изучении взаимодействия права и культуры могла бы стать гипотеза о религиозном дуализме (язычество и христианство), который через формирование русского юридического сознания продуцировал и дуализм в праве.

На такой дуализм в древнем славянском праве обратил внимание еще В.О. Ключевский [23]. Впервые этот юридический дуализм проявился, судя по данным в «Повести временных лет», в момент попытки проведения уголовно-правовой реформы в Древней Руси, предусматривавшей замену системы штрафов на систему физических наказаний. Когда по совету епископата Владимир Мономах попытался византийское уголовное законодательство (рассматривающееся действующими на Руси священниками как часть христианской культуры) внедрить в славянское право.

Попытка закончилась полным провалом, натолкнувшись на древнеславянскую правовую традицию в сфере уголовно-правовых отношений,

предполагающую в качестве санкции за уголовно-правовые правонарушения систему штрафов. Письменными доказательствами такой славянской правовой традиции могли бы стать древнейшие правовые тексты, к которым следует отнести, прежде всего «Русскую Правду».

Как показывают современные лингвистические исследования, древняя славянская правовая традиция несет в себе отпечаток архаического общеиндоевропейского правового наследия, заключающегося в культурном синкретизме, в котором право является частью мифологических представлений [24]. Это в полной мере соотносится с идеями мононорматики, о которых было сказано ранее, доказывающими, что древнейшая славянская правовая традиция тесно связана со славянским язычеством. Ярким свидетельством тому является «Повесть временных лет», в которой часто подчеркивается эта характерная связь.

В заключение можно сделать вывод, что основоположником теории мононорматики был А.И. Першиц, который одним термином смог дать качественную оценку обычно-правовой нормы. Основополагающей чертой мононормы является наличие синкретности и пресечения различных сторон многогранника социальной регуляции: правовой, этической, ритуальной и религиозной. Першиц, изучая сферу действия мононорм, сделал вывод о двух видах мононорматики: первобытной и послепервобытной.

Чем же тогда является обычное право? Думается, что в «чистом», дифференцированном виде сфера его была ограниченной, чем это принято считать. В традиционных обществах это часто был лишь один из аспектов мононорматики, а в индустриальных обществах существуют обычаи, но нет обычного права.

Литература

1. URL: http://www.jurant.ru/ru/books/law_and_life/nagih.htm.
2. Першиц А.И. Проблемы нормативной этнографии // Исследования по общей этнографии. М.: Наука, 1979. С. 215.
3. Куббель Л.Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М.: Наука: ГРВЛ, 1988.
4. Pospisil L. Karuaku Papua and their Law. NewHaven, 1964. P. 244–245.
5. Думанов Х.М., Першиц А.И. К уточнению понятия «обычное право» // Государство и право. 2005. № 3. С. 77–78.
6. Далгат Б. Материалы по обычному праву ингушей // Известия Ингушского института краеведения. Вып. 2–3. Владикавказ, 1930. С. 353–354.
7. Карлов В.В. Обычное право народов Сибири и его изучение // Обычное право народов Сибири. М., 1997.
8. Токарев Б.Я. Советское право и обычаи в их связи и развитии: Дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 1970. С. 55.
9. Общая теория права / Под общ. ред. проф. В.К. Бабаева. Н. Новгород, 1993.
10. Алексеев С.С. Теория права. М.: БЕК, 1995. С. 38–50.
11. Мальцев Г.В. Очерк теории обычая и обычного права // Обычное право в России, проблемы теории, истории и практики. Ростов н/Д.: СКАГС, 1999.
12. Калинин Т.В. Происхождение государства и права. Современные трактовки и новые подходы. М.: Юристь, 1999. С. 214.
13. Проблемы общей теории права и государства / Под ред. проф. В.С. Нерсесянца. М: НОРМА: ИНФРА-М, 1999. С. 105.
14. Рябко А.И., Василенко О.Н. Правосудие и формы права: проблемы взаимной эволюции. СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2001. С. 5–33.
15. Думанов Х.М., Першиц А.И. Мононорматика и начальное право (статья первая) // Государство и право. 2000. № 1. С. 100.
16. Першиц А.И. Проблемы нормативной этнографии // Исследования по общей этнографии. М., 1979. С. 217.
17. Супатаев М.А. Культурология и право. М.: ИНФРА-М, 1998. С. 26.
18. Сеницына И.Е. Обычай и обычное право в современной Африке. История изучения, кодексы обычного права. М.: Наука, 1978. С. 11.
19. Алексеев В.П., Першиц А.И. История первобытного общества. М.: Высшая школа, 1990. С. 287, 288, 346.
20. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права: Учеб. Пособие (по изданию 1910–1912 гг.). М.: Юрид. колледж МГУ., 1995. Т. 2. С. 112.
21. Лейст О.Э. Сущность и исторические типы прав // Вестник МГУ. Сер. 11: Право. 1992. № 1. С. 3–13.
22. Момотов В.В. Формирование русского средневекового права в IX–XIV вв.: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003.
23. Ключевский В.О. Соч. М., 1959. Т. 1. С. 219–222.
24. Иванов В.В., Топоров В.Н. О языке древнего славянского права (к анализу нескольких ключевых терминов) // Славянское языкознание. Загреб-Люблина; М., 1978. С. 221–240.

References

1. URL: http://www.jurant.ru/ru/books/law_and_life/nagih.htm.
2. Pershits A.I. Problems of regulatory Ethnography. *Issledovaniya po obshchey etnografii* [Research on general ethnography]. Moscow, Nauka Publ., 1979, p. 215.
3. Kubbel L.E. Ocherki potestarno-politicheskoy etnografii [Essays on Potestarian political ethnography]. M., Nauka Publ., The main editorial office of oriental literature, 1988.
4. Pospisil L. Kapuaku Papua and their Law. NewHaven, 1964, p. 244–245.
5. Dumanov Kh.M., Pershits A.I. To clarifying the concept of «common law». *Gosudarstvo i pravo* [State and law], 2005, no 3, p. 77–78.
6. Dalgat B. Materials on the customary law of Ingush. *Izvestiya Ingushskogo instituta kraevedeniya* [News of the Ingush Institute of Local History], issues 2–3. Vladikavkaz, 1930, p. 353–354.
7. Karlov V.V. Customary law of Siberia and its study. *Obychnoe pravo narodov Sibiri* [Customary law of Siberia]. Moscow, 1997.
8. Tokarev B.Ya. Sovetskoe pravo i obychai v ikh svyazi i razviti. PhD Diss. [Soviet law and practices in their relation and development. PhD Diss.]. Rostov on Don, 1970, p. 55.
9. Obshchaya teoriya prava [General Theory of Law] / edited by prof. V.K. Babaeva. Nizhny Novgorod, 1993.
10. Alekseev S.S. Teoriya prava [Legal theory]. Moscow, BEK Publ., 1995, p. 38–50.
11. Mal'tsev G.V. Outline of the theory of custom and customary law. *Obychnoe pravo v Rossii, problemy teorii, istorii i praktiki* [Customary law in Russia, the problems of the theory, history and practice]. Rostov on Don, North-Caucasian Academy of Public Administration, 1999.
12. Kalinina T.V. Proiskhozhdenie gosudarstva i prava. *Sovremennye traktovki i novye podkhody* [The origin of the state and law. Modern interpretations and new approaches]. Moscow, Yurist Publ., 1999, p. 214.
13. Problemy obshchey teorii prava i gosudarstva [Problems of the general theory of law and state] / Edited by V.S. Nersesyants. Moscow, NORMA Publ., INFRA-M Publ., 1999, p. 105.
14. Ryabko A.I., Vasilenko O.N. Pravosudie i formy prava: problemy vzaimnoy evolyutsii [Justice and the forms of law: problems of mutual evolution]. St. Petersburg: St.-Petersburg university of Russian Interior Ministry, 2001, p. 5–33.
15. Dumanov Kh.M., Pershits A.I. Mononormatika and primary right (1st article). *Gosudarstvo i pravo* [State and law], 2000, no 1, p. 100.
16. Pershits A.I. Problems of regulatory Ethnography. *Issledovaniya po obshchey etnografii* [Research on general ethnography]. Moscow, 1979, p. 217.
17. Supataev M.A. Kul'turologiya i pravo [Culturology and Law]. Moscow, INFRA-M Publ., 1998, p. 26.
18. Sinitsyna I.E. Obychay i obychnoe pravo v sovremennoy Afrike. *Istoriya izucheniya, kodeksy obychnogo prava* [The custom and customary law in modern Africa. History of the study, codes of customary law]. Moscow, Nauka Publ., 1978, p. 11.
19. Alekseev V.P., Pershits A.I. Istoriya pervobytnogo obshchestva [Prehistory]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1990, p. 287, 288, 346.
20. Shershenevich G.F. Obshchaya teoriya prava [General Theory of Law]. Moscow, Law college of Moscow State University, 1995, vol. 2, p. 112.
21. Leyst O.E. The essence and historical types of rights. Moscow State University Bulletin. Series 11: Law, 1992, no 1, p. 3–13.
22. Momotov V.V. Formirovanie russkogo srednevekovogo prava v IX–XIV vv. Doct. Diss. [Formation of Russian medieval law in IX–XIV centuries. Doct. Diss.]. Moscow, 2003.
23. Klyuchevskiy V.O. Sochineniya [Works]. Moscow, 1959, vol. 1, p. 219–222.
24. Ivanov V.V., Toporov V.N. On the language of the ancient Slavic law (the analysis of several key terms). *Slavyanskoe yazykoznanie* [Slavic linguistics]. Zagreb-Lyublyana, Moscow, 1978, p. 221–240.